

АНАТОЛИЙ ШИНКИН

Земля без надежды

ХРОНИКА ПРОМЫСЛА

Анатолий Шинкин

Земля без надежды

«Издательские решения»

Шинкин А.

Земля без надежды / А. Шинкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-457-98639-8

Обыденный ужас, а люди не звонят, боятся родного государства, которое «затаскает», а то еще и спишет на засветившегося, чтобы не напрягаться в поисках виновных и причин. Боятся преступника, которого сдашь, а он отомстит, и государству в голову не придет защитить свидетеля. Живем, как на передовой, но без оружия. Бандиты вооружены, полиция с оружием, а мы можем только пригибаться, пропуская летящие пули, и не дай Бог рассердить одну из сторон.

ISBN 978-5-457-98639-8

© Шинкин А.
© Издательские решения

Содержание

Земля без надежды	6
Первый блин	8
Весенние радости	9
Брачный сезон у ракообразных	11
Накануне праздника	13
Уик-энд с родней	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Земля без надежды

Хроника промысла

Анатолий Шинкин

© Анатолий Шинкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Земля без надежды

*Моя смерть никого не обрадовала,
А значит, и жизнь прожита зря.
Горькие размышления по поводу своей незначительности*

Гринько Николай Петрович так и не понял, что погиб от скуки.

Застрелился после семидневного запоя. Домашних в квартире не было. Сын ночевал у матери, дочь у тещи, жена неизвестно где. Самогон в доме еще был, но пить одному уже не хотелось, а немногочисленные приятели как-то не подвернулись. Телевизор забарахлил не кстати. Книги тоже не читались, и газет свежих не принесли. Так и пришлось все к одному.

Тело обнаружила теща и, как натура деятельная, темпераментная и экспрессивная, взяла на себя руководство похоронами. Устроила так ловко, быстро и недорого, будто всю жизнь готовилась зятя закопать.

Я зашел к ним, когда собирались выносить. Лица торжественно-постные:

– Она зашла, а тут кровища кругом...

– Жил бы и жил, такой молодой..., – у соседей появилась тема для беседы, и, значит, самоубийство имело смысл.

В гробу мой приятель смотрелся не очень хорошо. Видны были только левый глаз и почерневшая щека. Все остальное прикрыли салфеткой: искалечено было и обожжено выстрелом, даже двумя: Николай умудрился нажать оба курка. Говорят, сзади черепа не было вовсе.

Жена, теперь уже вдова Лидка, бродила среди пришедших на похороны, тихая, незаметная и молчаливая, как призрак в известной драме. Она переходила из комнаты в комнату, ни с кем не заговаривая. Мучилась похмельем, очевидно. Я сказал, что заберу свою тетрадь, она без эмоций ответила:

– Бери.

Я снял с полки дневник Николая, он всегда держал его поверх книг, еще глянул на новопредставленного и ушел.

Дома, просматривая записки, отметил примитивный юмор обобщений, несвойственный Николаю ранее. Очевидно, потерпев к сорока годам все возможные фиаско, он решил стать проще: перестал сыпать именами и цитатами «от великих», заменил латынь матюгами, но не смог расстаться с вариациями на тему «все мы немножечко лошади», некогда пролетарского великого поэта. Теперь он с удовольствием отмечал, что «все мы немножечко демократы, мерзавцы, коммунисты, жулики, сукины дети и т.д.».

Но, чем дальше, тем реже, брал Гринько в руки «своего единственного слушателя», – так он отзывался о дневнике. Последней датой было седьмое ноября. Дальше последовательная деградация уже не находила письменного отражения. Хоть столько, другие вообще ничего не оставляют. То ли был, то ли не был.

На внутренней стороне задней обложки корявая надпись шариковой ручкой: «Существование без цели, душа без веры, жизнь без любви, земля без надежды». Ахинея, но звучит красиво, как слоган в рекламе. Очевидно – это и следовало считать предсмертной запиской.

Очередной путник, с незаконченным жизненным опытом, отправился охотиться в места, богатые дичью, рыбой и грибами, не сумев влиться в стихию рыночных отношений.

Почитал я записки приятеля и загрустил. Отчего так паскудно жизнь переменялась? Никому подвигов не нужно и смерти «на Миру», которая и красна, и желанна. Поставь тысячу амбразур с пулеметами и танков тяжелых, в очередь люди будут становиться, чтоб грудью закрыть или с гранатой броситься – нормально это и естественно, если и не славы

ради, то развлечения для, а вот деньги в наволочку складывать да в горло ближнего за кусок вгрызаться – подло и противно. Так нас учили и воспитывали.

А теперь жизнь потеряла смысл, цель, идею. Вопросов стало вдруг больше, чем ответов.

Первый блин

*«Вначале было слово. Слово непечатное»
Рассказ об открытии сезона*

«Открывать сезон» я отправился на Солянку, небольшую речушку, где, не прилагая больших усилий, можно наловить икраных шук.

День весенний обычный: переменная облачность, и ветер гонит волны с гребешками. На душе блаженство: так приятно после долгой зимы увидеть открытую воду. В этом году ждут паводка, и, действительно, вода на добрый метр выше обычного для ранней весны. Слегка напрягают обширные, кочующие по ветру ледовые поля.

Выбирая места без льда и ветра, поставил сети, и щуки не заставили себя ждать. Все хорошо! Жизнь прекрасна и удивительна. Рыбалка началась. Осталось, следуя теории равновесия, дожидаться неприятностей, потому что ничто хорошее не длится вечно.

К одиннадцати дня подкатили два хмыря на синих «Жигулях», заглянули в мою лодку, позавидовали и захотели встать рядом:

- А мы вот здесь.
- Занято.
- А вот тут?
- Видишь, поплавки?
- А за поворотом?

Я насочинял о течении, поднимающем сети, о траве, да и рыба уже отходит – «понта нет».

Отбилсь ненадолго. Рыбаки пошли валом. На машинах, мотоциклах. Подъезжают, отъезжают, спрашивают, сколько поймал. Не речка, а базарная площадь. Всем хочется рыбы. Один притащился пешком с острой на плече:

- Братан, я тут пошустрю по камышам?
- Ребята, вы уже достали!...
- Я два метра от берега.
- Шустри.

Понаблюдав за «острожником», я отправился прогуляться по бережку и за поворотом увидел двух мужчин, торопливо разгружающих «Жигули». Один, дотащив лодку до берега, развернул ее и торопливо принялся накачивать. Другой вытащил мешок с сетями, прислонил его к машине и вытащил еще один, потом обошел «Жигуль» сзади, открыл багажник, вытащил третий мешок с сетями и жестяной бак, в котором, опять же, замочены в глиняном растворе сети. Это уже интересно: они, видимо, решили не оставлять рыбе шансов.

- Серьезно беретесь, – я кивнул на бак.
- Хотим попробовать. Первый раз выбрались, – ответил он неожиданно высоким голосом.

Крутые ребята. Если они так «пробуют», что будет, когда возьмутся за дело всерьез?

После обеда подкатили два «орла» на «Иж-Юпитере». Парень, с меня ростом, одет в ватный костюм – шкаф ходячий. С ним дед, общительный, подвижный, жуликоватый. Странно представился: «Анатолий». Сдается гнусную рожу этого мерзкого деда я встречал где-то.

Эти, уж не знаю, как назвать, достали корочки общественных рыбинспекторов, начали размахивать половным билетом, грозились составить протокол...

И мне пришлось уступить уловистое местечко. Вот и неприятности. Обидно, блин!

Весенние радости

Словосочетание «Любовь к рыбалке» —

нонсенс, масло масляное.

Рыбалка – сама чувство, рыбалка – это и есть Любовь!

Глубоко продуманная мысль

Яркое утреннее солнце, но облака, обычные для такой погоды еще не появились. Высматривая место, где полегче пробраться к реке, я прошел к самому берегу. Плотину в километре выше по течению сорвало только вчера, и река мчится с небывалой скоростью. Лдины, коряги, вмерзший в лед прошлогодний камыш кружатся, вытягиваясь на фарватер, и вода, поднимаясь почти заметно для глаза, не оставляет возможности подступиться с сетями.

Тем не менее, машины рыбаков маячат по всему берегу, и никто не собирается уезжать. Напротив. Не замечая очевидной невозможности рыбалки, плотно одетые мужички вытаскивают из багажников и качают лодки, готовят снасти. Некоторые уже крутятся в водоворотах с надеждой поставить сети и наловить вожаделенных икрыных щук.

Пройдет месяц, спадет вода, станет тепло, валом пойдет рыба, но две трети из атакующих сейчас берег экстремалов, готов спорить, на пушечный выстрел не приблизятся к реке: трудное для понимания, но реальное свойство сложной человеческой натуры. Сейчас вся суета сводится к постановке и, тут же, снятию забитых льдом и сором, перепутанных сетей.

Правит здесь азарт, чувство начисто затемняющее разум. Мне случалось в период икромета видеть мужичков, целый день просидевших над сетями в овраге, который даже не был соединен с рекой. Оттуда доносились песни и запахи костра и самогона. Наверное, им не нужно было рыбы.

У меня свой секрет и, решительно включив второй мост, я въехал на целину. В зеркальце видно, какие глубокие колеи оставляет машина в налитанном влагой мягком грунте, но останавливаться нельзя: забуксуешь, и, напрягаясь, будто волоку вездеход на себе, держу руль неподвижно, пока колеса, слегка дернувшись, не нащупывают твердую почву.

Выдохнул, переключил скорость на вторую и покатишь вдоль берега к усынку, где рыбачил в прошлом году. Хвостик забит от берега до берега льдом, но можно поставить сети вдоль кромки, так как течение проносится в четырех метрах и оставляет неподвижной, своего рода, «мертвую зону».

Я быстро все поставил, покурив и проверил. Три щучки и плотва – для начала хорошо. А вот дальше пошло хуже. Едва я вытянул на берег лодку и оглянулся, эйфория сменилась разочарованием: ледяное поле из усынка двинулось вперед и в центре уже прогнуло сеть, выжимая ее на стремнину. Пришлось восстанавливать нарушенное благополучие. Мной не овладело раскаяние за собственную непредусмотрительность: я знал, что лед непременно тронется; судьба, что это произошло слишком быстро.

Лдыня, обтаявшая со всех сторон, очень неконтактная штука из-за острых, иззубренных краев, которыми она вцепляется в ячеи, будто приклеенная сверхлипким клеем, но мне удастся отцепить сеть. Нажав веслом на шнур и погрузив руку до плеча в воду, одновременно другим веслом удерживая лодку на месте, притоплю сеть на метр.

Здоровенная лдыня тем медленнее и неохотней, чем более костенеет моя рука, прошла над верхним шнуром и, подхваченная течением, начала разгоняться, смещаясь к середине реки. Лдынки поменьше остались дотаивать на месте.

Рыбалку по количеству и качеству эмоций можно сравнить, разве что с любовью. Многое зависит от случайности и удачи: клонет – не клонет, любит – не любит. При серьезной

постановке дела в обоих случаях требуется неистощимый оптимизм и фатальная надежда на успех.

Страсть, азарт, ожидание – термины, вполне применимые и там, и там. А результат? Как от любви случаются порой дети, так и результатом рыбалки может стать рыба. Чудная и чувственная вещь – рыбалка. Можно рекомендовать выходящим в тираж мужикам... или охота, но это на любителя.

Солнце начинает припекать. Я полеживаю на брезенте, изредка поднимаясь проверить сети, и чувствую себя прекрасно. Сине-зелено-грязная вода, с проплешинками белопенных осколков льдин, отчетливо холодная под лучами солнца и часто наплывающие тени облаков создают ощущение достаточности и гармонии. Время летит незаметно.

Стало меньше машин на берегу. Окончательно посрамленные «слабачки», собрав захламленные снасти, укатили восвояси. Сильные – я – продолжают борьбу. У противоположного берега еще барахтаются двое в темно-голубой лодке. Течение оттуда отжимается к моему берегу, и у них есть шанс.

Когда приходится рыбачить на доступных и открытых местах, не отпускает настороженность, обусловленная некоторой незаконностью моего промысла. Сейчас, при виде сворачивающего с асфальта грузовичка, наработанное годами браконьерства «шестое чувство» предупреждает: «Нехорошие люди едут»!

Не суетясь, я прошел к машине, слегка приоткрыв капот, зарядил и примостил ружье, чтоб незаметно и быстро выдернуть при случае. Прикрыв стволы тряпкой, закурил и стал дожидаться «гостей».

Предчувствие не обмануло: из машины вывалились двое парней, явно ментовского вида:

– Здорово, командир. Ловится?

– Ни шатко, ни валко, – на рыбалке не принято хвастать. Тем более, не собираюсь раскрываться перед ментами.

– А дичь есть? – один ненароком распахнул куртку, сверкнув патронташем.

От сердца отлегло: «орлы» не при исполнении. Выехали развезаться, пострелять, выпить, если получится, на халяву.

– По бутылкам, ребята. Очень благодарная мишень – промазать трудно, – я не отошел от машины, а «ребята» по паскудной служебной привычке прошлись взглядом по бараклу в машине, по расставленным сетям, выцеливают у колеса и взвешивают глазами мешок с рыбой.

– Щука?

– Мелочевка. Лучше б дома сидел.

– Ну, удачи.

Газон, буксуя, развернулся. Я вздохнул с облегчением и решил больше не брать на рыбалку оружия – слишком велик соблазн применить.

На душе гадко, как и всегда при встрече с представителями закона. Не скоро, пожалуй, в России наступит время, когда человек перестанет себя чувствовать без вины виноватым перед «любимой» Родиной, которая в качестве «Матери» не выдерживает никакой критики.

Все! Настроение потеряно. Будто любовница импотентом назвала. Теперь не скоро поднимется.

Любовь – рыбалка. Рыбалка – любовь. К чертям собачьим! Пора сниматься и уезжать.

Брачный сезон у ракообразных

*«На безрыбье и рак рыба»
Народная мудрость*

В состоянии сильного раздражения выехал после обеда на Гашон. Что обозначает это название, старожилы, по-обыкновению, не припоминают.

Собирался раньше, да прибежал сосед Витек:

– Коля, срочно! Жена рожает.

– Нашел акушера!

– Нет, транспорт нужен.

– Другое дело.

– А я на таком колчедане, – говорит его благоверная, – не поеду.

– А кто тебя спрашивает?

– А кто, когда лез, не спрашивал?

Едва мы ее уговорили и поплелись черепашьям шагом. Два часа промыкались, а Витька опять:

– Я от тебя позвоню?

– Дай хоть разродиться.

– Да, я не туда.

– Звони.

Витька ушел, а моя на крыльцо выскакивает, и вид, как у заговорщика:

– Дает Витек! С кем-то о свидании договаривался.

– Обиделась, что не с тобой?

– Больно нужно! Мужики все одинаковы.

– Кто тебе сказал?

– Сама знаю.

Был бы помоложе, заревновал. А сейчас ничего – сел в машину и поехал на рыбалку. Начал выбирать из переулка – навстречу машины с лентами. Одурел народ по весне: роды, свидания, свадьбы. А тут день кончается, и добираться двадцать километров, и десяток сетей ставить. Как тут нервы сбережешь? И погода сегодня скверная. То северный ветер, то южный, то закапало с хмурого небушка, то просветило слабенькое солнышко сквозь беле-ые облака.

Несмотря на раздражение, быстро расставил сети и отправился проверять первую из поставленных. Ее не было. Должно быть, глупо я выглядел, когда выскочил на берег в поисках злоумышленника и вора, но посмеяться было некому: человечество в пределах видимости было представлено только мной.

Поплыл искать и нашел. Привязанный за старый камыш шнур вертикально уходил вниз. Приподнял я сеть, и в глазах потемнело: раки сидели в ячеях и друг на друге в три ряда. Рыба – линь и щука – очень редко. Хотел снять, и домой, но, поразмыслив, решил испытать жребий до конца.

Выбирая незваных гостей, работал до темноты. Набрал три ведра и замерз до бесчувствия. Бросился к машине и в куртке, шапке и валенках забрался в спальник. Высвободил из мешка голову, покурить, уши замерзли моментально.

Раки, при своей членистоногости, легко передвигаются по ячеям сети, ловко добираясь до верхнего шнура, чем вызывают недовольство рыбаков, так как выбирать их, опять же, вследствие членистоногости, тяжкий труд.

Мне уже приходилось наблюдать подобную активность по весне. Не иначе, и тут брачный сезон. Если ракообразные сегодня не уймут свое стремление к воспроизводству, любовная лихорадка здорово подорвет их популяцию в этом пруду.

От холода ночь казалась бесконечной. Я спал урывками, периодически выглядывая, не забелел ли восток. Отшлифовал пол в кабине, крутясь вместе со спальником в поисках теплой позы. Сном это не назовешь, больше подходит слово «кемарить».

Появилось знакомое по Северу чувство, что можешь не дожить до утра. Ничего, дожил, хотя и промерз, «как последний сукин сын», по меткому выражению классика.

На заре, пока курил, серенький рассвет неторопливо переполз в бледный восход, и я сразу поплыл к сетям.

Рачьи свадьбы достигли кульминации, и улов загрузил лодку до бортов. Старался уж не думать, как буду выпутывать шуршащую колючую банду.

Жена встретила сообщением:

– У Витька дочь. Два раза прибежал звонить. Но, мне кажется, не в роддом.

– Кажется – крестись! – у Витьки слава ходока, но я не собираюсь обсуждать чужие дела.

– Мне-то что? А вечером пролетел разряженный, как петух.

– Сплетничать нехорошо!

– Я только тебе.

– Пойдем-ка раков выбирать.

– Ты начинай, а я сбегая на базар, сварю щи, приберусь, накормлю детей, курам дам...

Все ясно: сам наловил, сам расхлебывай. Уселся в тени гаража и приступил к нудной работе на целый день. Очень успокаивает нервы. Только и развлекся, когда перед обедом зашел покурить Витек, не протрезвевший, с фиолетовым синяком под глазом:

– Колян, чуть не влип. Сели, как порядочные. Подруга, ее брат и еще подруга. Думаю, пара на пару, нормалек. А он – козел голубой. Стыдуха. Я в морду и бежать, а девки, оказывается за него. Клиентов для пидара подбирают. Еле отбился.

– Честь сберег, значит?

На выборку и реализацию раков ушло двое суток. От души ели сами, раздавали и продавали по бросовым ценам. Витьку отсыпали ведро. Тем не менее, заработали больше ста рублей.

Раки здорово ошиблись, решив заняться любовью в моих сетях.

Накануне праздника

*«Я с громадной радостью начну отмечать Дни Рождения,
если отсчет пойдет в обратную сторону».*

Мимоходом

Завтра День Рождения жены. За многолетнюю историю совместных семейных кошмаров и выкрутас мы умудрились отметить эту дату лишь единожды, в самом начале пути. Не будем отмечать и завтра: мои последние рыбалки оказались столь доходными, что едва удалось наскрести денег на бензин, поэтому сегодня необходимо поймать побольше, если в праздник не хотим остаться даже без хлеба.

Веселая жизнь! Свойка сегодня рассказал про соседа, который всю весну питался только вишневыми ветками и самогоном, ежели наливали. Как не поверить? На работу не берут, продавать нечего, побираться стыдно. В страну потоком идут беженцы, а население убывает в год на миллион. Мрут, в основном, сорокалетние, самый рабочий возраст.

У Игоря начался отпуск. Человек он традиционный: считает, что хорошо отдыхать – это потихоньку выпивать весь день дома, вечером плотно наклюкаться на рыбалке, утром опохмелиться, перебирая сети и т. д. При его утренней «зарядке» я присутствовал, и мы договорились посетить Усовку – крупное село, километрах в тридцати от райцентра.

Вокруг села лес – уникальное явление для нашей степной полосы, есть речка. Рыба в ней крупнее и разнообразнее: меньше отлавливается. Хвойный лес, поскольку природный нонсенс, является заказником, иными словами, охотничьей вотчиной для местного и областного начальства. Мы без ружей, и для охоты не сезон, возможно, нас не турнут.

Весь тридцативерстный путь Игорек проспал, утомленный дневной переборкой сетей на пару с бутылочкой. Проснулся только один раз, попросил остановиться и выпил «за удачу». Я воздержался, помня, что сельские участковые отвратительнее городских гаишников.

Пропетляв среди лесополос и хвойных массивов, плавно свернув около коровьей фермы, покатали по разбитой вконец дороге в сторону реки.

– Отсюда ровно четыре километра, – неожиданно проснулся Игорек и сразу принялся рассказывать, как «в прошлом году» он с Иван Васильевичем ставили здесь сети и «взяли шесть судаков, пять сазанов», а другой рыбы даже не считали.

Я слушал вполуха, зная прекрасно цену всем рыбацким байкам, но – внушаемое существо человек – надежда на хороший улов окрепла. За последнюю неделю я здорово вымотался, и выходной в случае удачи мне не помешает. Рыбаки, как дети, продолжают верить в счастливую звезду, сколько бы раз она не оказывалась тлеющей головешкой.

Местность здесь сильно пересеченная: овраги, низинки, старица – старое русло реки – некоторое время тянется вдоль дороги. После нескольких спуско – подъемов, тревожащих грязными глубокими колеями, включив второй мост, выбираюсь на пригорок, и свойка удовлетворенно тычет пальцем в развесистый дуб:

– Давай по этой колее. Как раз на наше место выйдем.

Река расположилась в глубоких берегах, сплошь укрытых деревьями и кустарниками. Разбросаны по полянкам небольшие дубки, клены, осинки, сирень – живописное местечко. Деревья мешают разгуляться ветру, и неподвижная вода, затемненная, с мусором на поверхности, похожа на колодезную. Паводок давно прошел, но течение, достаточное, чтобы поднять сеть, заметно, ближе к середине русла.

Загрузив сети и проволочные кольца вместо грузил, мы расплываемся в разные стороны. Шнуры сетей натягиваются течением и дрожат, а потому приходится быть внимательным.

Опускается солнце, и все больше становится комарья. Когда возвращаюсь к машине, набрасываются уже скопом. Я бегом поднялся по откосу и нырнул вглубь машины.

– Закрывай дверь, а то спать не дадут, – свояк яростно затягивается сигаретой, но зверье снижает активность минут на пять, потом нужно дымить вновь. Такой массированной атаки в этом году я еще не видел. В заказнике осталось не меньше пяти литров моей крови. Ночь тянулась долгим кошмаром.

Совершенно измученные выскочили утром с первыми лучами солнца. Комары поутихли, но не настолько, чтобы отвлекаться, и мы, наскоро закурив, будто ночью не накурились, расплылись по сетям.

Встречать рассвет, сидя в лодке, большое удовольствие. Тут смешивается и ожидание тепла, которое придет на смену утреннему ознобу, и красота теней и полутеней на воде, изредка прорезанных снопами лучей, и отблески плавающего в воде солнца. Крики птиц в это время мало воспринимаются сознанием, и река кажется погруженной в почти ощутимую тишину.

Донесли несколько резких всплесков со стороны Игоря, видимо, в сети попалась крупная рыба, и снова тишина. Я медленно отвязываю шнур, пытаюсь потянуть время, курю, но романтический настрой уже сменяется азартом, чувством более присущим рыбаку. Собирая шнур в левую руку, вижу солидный бурун метрах в двух: крупный лещ взрывает воду.

В сторону летит недокуренная сигарета. Рыбы не много, но это лещи, буфало, сазан и жерех (на Севере эту рыбу мы называли «язь», но здесь все говорят «жерех», поэтому и я говорю «жерех», и звучит неплохо). Все от килограмма до трех. Если у свояка не хуже, День Рождения еще сможет состояться.

Игорь встречает меня, стоя на берегу. Вид у него скучающий, небрежный и беззаботный. Слепой догадается, что свояк поймал нечто из ряда вон. В свою очередь становлюсь спокойным, незаинтересованным, нелюбопытным.

– Долго плаваешь.

– Подлещик в кусты забился, – киваю на полуметрового леща, лежащего на сетях в лодке.

– Ты лучше посмотри, как машина подпрыгивает, – по лицу Игоря расплывается блаженство, терпения хватило ненадолго. – Иди, глянь на красавцев.

Между колес вездехода развалились два карпа, килограммов по десяти каждый. Лобастые, толстые оковалки. У меня и челюсть отвисла:

– Нечего сказать, преклоняюсь!

Игорь только кивнул снисходительно: царь и бог.

Сборы домой не заслуживают внимания. Только перед отъездом отломили по веточке от очень красивого бордового куста, похожего на клен. Возможно – это и есть клен, какая-нибудь разновидность.

У жены День Рождения – кусочек лесной красоты будет очень кстати.

Уик-энд с родней

*«Выходные для безработного – понятие абстрактное:
нет работы, нет и выходных».*

Мысли по поводу

– Айн, цвай, драй! – свояк поставил в салон звякнувшую сумку и приоткрыл показать. Янтарным блеском отсветили восемь бутылок «Анапы».

– Сейчас заедем к тестю, и вперед.

– Есть повод?

– Нет повода... не выпить! Суббота.

Я должен был сообразить, да потерял счет дням. Игорек работает, у него выходной. Тесть на пенсии – у него все дни выходные. Утром они отличились: починили калитку, что два месяца болталась на одной петле. Теща расщедрилась на пузырек, вторым они раздобылись сами, и рыбалка обещает пройти в мажорном режиме. Свояк плюхнулся на сиденье:

– Давай к Петровичу! – в его голосе отчетливо прозвучали интонации барина в пролетке: хозяин положения.

Тесть, весело ухмыляясь, поджидал нас в окружении лодки и мешка с сетями у вновь починенной калитки:

– Два зятя едут. Ни за что дома не останусь! – он еще не перешел в стадию тяжелого опьянения. Оживлен, приветлив и приятен. Я тронул машину в состоянии некоторого душевного подъема. Игорь сразу зашарил рукой в бардачке, отыскивая нож и стакан, тесть начал раскуривать фирменную самокрутку, толщиной в палец.

Опасаясь, что пассажиры выпьют вино раньше, чем доберемся до места, я сказал:

– Не торопись. Доедем до «высшей точки», и я с вами выпью.

Игорь поморщился, но бутылку спрятал, а в машине вдруг резко запахло горячей кожей или резиной. Я начал тормозить, но свояк толкнул локтем и указал глазами на тестя. Петрович сидит в клубах дыма. Он часто называет свой табак экологически чистым, но в тесном пространстве кабины «чистота» оказалась невыносимой.

– Петрович, будь человеком, закури сигарету. Игорек, открой окно пошире.

Тесть заулыбался и сигарку выбросил:

– Американцы подсчитали, кто употребляет натуральный продукт, живет на пять лет дольше.

– Табака твоего не пробовали, а «козьи ножки курят с фильтром, – съехидничал свояк. Он оглядел дорогу, и его рука непроизвольно потянулась под сиденье. – Ты не забыл?

Мы остановились у кургана с геодезической вышкой, которую между собой называли «высшей точкой». Выпили, выбросили бутылку и поехали дальше.

– Такие вина шоколадом закусывают, – шамкая, просветил тесть, прожевывая сало редкими зубами.

– А потом по интеллигентным бабам идут, – подхватил Игорь.

– Какие проблемы? Сейчас развернусь.

– Давай прямо.

За трепотней доехали незаметно, шустро разгрузили машину, сгоношили закуску.

– Коля, ты где ставишь? – свояк у нас самый нетерпеливый. Я показал рукой в «хвост» пруда.

– Петрович, ты далеко не поплывешь?

– Я вот здесь. Вода везде одинакова, – тесть свернул несколько раз перья лука и нацелился на коробок с солью. – Прямо отсюда зацеплюсь и к корягам. – Он стаканом показал направление.

– Ну, а я за островом. Сети длинные – самый раз, – Игорь вскочил и, торопливо ударяя по дутику, принялся качать лодку. Поднялись и мы.

В компании всегда невольно включаешься в соревнование: кто быстрее лодку накачает, заплывет, сеть поставит. Можно подумать, от этого улов зависит.

До чистой воды пришлось покрутиться среди коряг и камыша, но дальше пошло хорошо. Лодка скользит, легко управляется, погода идеальная. Только новый камыш еще не поднялся, и приходится привязывать сеть к коряжкам, а это чревато зацепами и порванными краями сетей. Тесть неподалеку «колдовал» что-то на поплавах.

– Петрович, рыбу подманиваешь?

– Мелкие сети дробленкой посыпаю. Рыбешка будет крутиться и попадет в сеть.

– Логично.

Тесть отплыл в сторону и начал сыпать крупную сеть:

– Мелкая рыбешка будет крутиться и приманит щуку, а щука попадет в сеть.

– Тоже логично.

Около нашей машины притормозил и остановился желтый Москвич. Приезжие переговори с Игорем и проехали дальше, став нашими соседями.

Последняя сеть у меня оказалась длинноватой, и я накрыл ее траву вдоль берега, бросив конец непривязанным. Свояк и тесть отработали раньше и покуривали вокруг бутылки.

– Что там за компания?

– Свои. Шофер с нашего гаража, а второго не знаю.

– Рыбинспектор он, общественный, – наябедничал Петрович. – Со мной в Заготскоте работал. Наотбирают сетей, сволочи, а потом продают. Я им говорил, когда выпивали: «Сволочи, вы. Фашисты. Крохоборы.» Живут на чужой счет. – Петрович не собирался, похоже, останавливаться. – Другой всю зиму сеть вяжет, а эти отберут, гады. Я им прямо сказал: «Фашисты...» – Монолог пошел по второму кругу, и я кивнул Игорю, чтоб не зевал, пока тирада не набрала обороты, а тесть не стал опасным.

Свояк открыл очередную бутылку и перевел разговор к видам на улов. Ему уже посчастливилось выпутать пару линьков, и это, по его мнению, давало надежду, что ночевка будет удачной, если не «вдарит» дождь:

– Петрович, ночью дождь будет?

– Закат чистый, ветер южный. По идее, не должно, а там хрен его знает.

Солнце скрылось, и быстро навалились сумерки. Голые ветви тальника неподвижны. Спускается предночная тишина.

– Проверять поедem?

Тесть подхватывается с телогрейки. Свояку не охота уходить от бутылки, но и он поднимается и начинает подкачивать лодку.

До полнолуния еще два-три дня, и ранняя луна уже высоко, поэтому обычной темноты, характерной для позднего вечера, нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.